

II. ВОСПРИЯТИЕ, ИЛИ ВЕЩЬ И ИЛЛЮЗИЯ

Непосредственная достоверность не принимает для себя истинного (*nimmt sich nicht das Wahre*), ибо ее истина – это всеобщее; она же хочет принять (*nehmen*) “это”. Восприятие (*Wahrnehmung*), напротив, принимает как всеобщее то, что для него есть сущее. Так же, как всеобщность есть вообще принцип восприятия, точно так же всеобщности его моменты, непосредственно в нем различающиеся: “я” есть всеобщее “я”, и предмет есть всеобщий предмет. Этот принцип *возник* для нас, и наше принятие восприятия не есть уже поэтому являющееся принятие, как в чувственной достоверности, а необходимое. В возникновении принципа в то же время осуществили свое становление оба момента, которые *выпадают* только в своем явлении, а именно: один момент – движение указывания, другой момент – то же движение, но как [нечто] простое; первый – процесс *восприятия*, второй – *предмет*. Предмет по существу есть то же, что и движение; движение есть развертывание и различение моментов, предмет – нахождение их в совокупности. Для нас или в себе всеобщее как принцип есть *сущность* восприятия, а по отношению к этой абстракции обе различные стороны – воспринимающее и воспринимаемое – составляют *несущественное*. Но на деле, так как и то и другое сами суть всеобщее или сущность, то оба они существенны; а так как они относятся друг к другу как противоположные, то в этом соотношении только одно может быть существенным, и различие существенного и несущественного следует распределить между ними. Одно, определенное как [нечто] простое, предмет, есть сущность, безразлично, воспринимается он или нет; процесс же восприятия как движение есть то непостоянное, которое может быть или не быть, а также то, что несущественно.

Нам нужно теперь точнее определить этот предмет и вкратце развить это определение из полученного результата; о более подробном развитии здесь речь не идет. Так как его принцип, всеобщее, в своей простоте есть *опосредствованный* принцип, то предмет должен выразить это как ему присущую природу; в силу этого он проявляет себя как *вещь, обладающая множеством свойств*. Богатство чувственного знания принадлежит восприятию, а не непосредственной достоверности, в которой оно выступало только в качестве примеров; ибо только восприятие заключает в своей сущности *негацию*, различие или многообразие.

[1. П р о с т о е п о н я т и е в е щ и.] – Итак, “это” установлено как “*не это*” или как *снятое* и, следовательно, не как ничто, а как определенное ничто или *ничто некоторого содержания*, а именно “этого”. Таким образом, само чувственное еще имеется налицо, но не так, как оно должно было бы быть в непосредственной достоверности, [т.е.] в качестве подразумеваемого единичного, а в качестве все-

общего или в качестве того, что определяется как *свойство*. Снятие проявляет свое подлинное двойное значение, которое мы видели в негативном: оно есть процесс негации и в то же время *сохранение*; ничто, как *ничто* “этого”, сохраняет непосредственность, оно даже чувственно, но есть непосредственность всеобщая. – Но бытие есть некоторое всеобщее в силу того, что имеет в себе опосредствование или негативное; так как оно *выражает* это в своей непосредственности, оно есть *различное, определенное* свойство. Тем самым в то же время установлено *много* таких свойств, из коих каждое есть негативное свойство других. Так как они выражены в *простоте* всеобщего, то эти *определенности*, – которые, собственно говоря, суть свойства только благодаря определению, добавленному позже, – соотносятся *с самими собою, безразличны* друг к другу, каждая для себя, независимо от других. Но сама всеобщность, простая, себе самой равная, опять-таки различается и независима от этих своих определенностей; она есть чистое соотношение себя с собою или *среда*, в которой суть все эти определенности, следовательно, в ней как в некотором *простом* единстве *проникают* друг друга, не приходя, однако, в *соприкосновение*, ибо именно благодаря участию в этой всеобщности они равнодушны для себя. – Эта абстрактная всеобщая среда, которую можно назвать *вещностью* вообще или *чистой сущностью*, есть не что иное, как “здесь” и “теперь” в том виде, в какое они оказались, т.е. как *простая совокупность* многих [“здесь” и “теперь”], но эти многие в самой своей *определенности* суть *просто всеобщие*. Эта соль есть однократно-простое (einfach) “здесь” и в то же время она многократна (vielfach): она – белая, а *также* острого вкуса, а *также* кубической формы, и *также* определенного веса и т.д. Все эти многочисленные свойства суть в некотором простом “здесь”, где они, следовательно, проникают друг друга; ни у одного из них нет иного “здесь”, нежели у других, но каждое из них – везде, в том же “здесь”, где и другие; и в то же время, хотя они и не разъединены различными “здесь”, они не воздействуют друг на друга в этом взаимном проникновении: белое не воздействует на кубическое и не изменяет его, то и другое не воздействует на остроту вкуса и т.д.; так как каждое свойство само есть простое *соотношение себя с собою*, оно оставляет другие свойства в покое и соотносится с ними только посредством безразличного “*также*”. Это “также”, следовательно, есть само чистое всеобщее или среда, *вещность*, которая таким образом совокупляет эти свойства.

В полученном отношении впервые подмечен и развит лишь характер положительной всеобщности; но предстает еще одна сторона, которую также необходимо принять во внимание. А именно: если бы эти многие определенные свойства были безусловно безразличны [друг к другу] и если бы они соотносились исключительно только с самими собою, они не были бы *определенными* свойствами, ибо они таковы лишь постольку, поскольку они *различаются* и *соотносятся с другими* свой-

ствами как с противоположными. Но со стороны этого противоположения они не могут быть совокупно в простом единстве их среды, которое для них столь же существенно, как и негация; различие их, поскольку оно не равнодушное различие, а исключаящее, подвергающее иное негации, оказывается, следовательно, вне этой простой среды; и поэтому последняя есть не только некоторое “также”, [т.е.] безразличное единство, но и “одно”, [т.е.] единство *исключающее*. – “Одно” есть *момент негации*, который просто соотносится с собою и исключает иное и благодаря которому *вещность* определена как *вещь* (Sache). В свойствах негация дана (ist) как *определенность*, составляющая непосредственно одно с той непосредственностью бытия, которая благодаря этому единству с негацией есть всеобщность; но как “одно” она освобождена от этого единства с противоположным и сама есть в себе и для себя.

В совокупности этих моментов вещь как истина восприятия (als das Wahre der Wahrnehmung) завершена, насколько необходимо развить это здесь. Она есть: α) безразличная пассивная всеобщность, “также” (das Auch) многих свойств или, лучше сказать, *материй*, β) она есть негация в такой же мере, как она просто есть; или: она есть “одно”, исключение противоположных свойств, и γ) она есть сами многочисленные *свойства*, соотношение двух первых моментов; негация, как она соотносится с различной стихией и в ней распространяется в виде множественности в среде устойчивого существования. Со стороны принадлежности этих различий равнодушной среде они сами всеобщны, соотносятся только с собою и не оказывают воздействия друг на друга; со стороны же их принадлежности негативному единству они оказываются в то же время исключаящими, но необходимо обладают их противоположным соотношением в свойствах, удаленных из их “также”. Чувственная всеобщность или *непосредственное* единство бытия и негативного есть лишь постольку *свойство*, поскольку из него развиваются “одно” и чистая всеобщность, поскольку они отличаются друг от друга и поскольку это единство бытия и негативного смыкает их друг с другом; лишь это соотношение их с чистыми существенными моментами завершает *вещь*.

[2. П р о т и в о р е ч и в о е в о с п р и я т и е в е щ и.] – Такова вещь восприятия; и сознание определено как то, что воспринимает, поскольку эта вещь есть его предмет; оно должно *только принять* (nehmen) его и относиться как чистое постижение; то, что для него благодаря этому получается, есть истинное (das Wahre); Если бы при этом принятии само сознание как-нибудь действовало, оно такой прибавкой или вычетом изменяло бы истину. Так как предмет есть истинное и всеобщее, самому себе равное, создание же есть для себя изменчивое и несущественное, то с ним может случиться, что оно неправильно постигнет предмет и впадет в иллюзию. Воспринимающее обладает сознанием возможности иллюзии; ибо во всеобщности, которая есть принцип, само *инобытие* непосредственно для него, но как *ничтожное*, снятое. Поэтому его критерий истины состоит в *равенстве с самим собой*,

а его поведение – в том, чтобы постигать как равное с самим собой. Так как для него в то же время существует (ist) разное, то оно есть некоторое соотнесение разных моментов его постижения; но если в этом сравнении обнаруживается неравенство, то это не есть неистинность предмета (ибо он есть то, что равно себе самому), а есть неистинность процесса восприятия.

Посмотрим теперь, какой опыт совершает сознание в своем действительном процессе восприятия. Для нас этот опыт уже содержится в только что данном развитии предмета и отношения к нему сознания; и он будет только развитием имеющихся тут противоречий. – Предмет, который я воспринимаю (den ich aufnehme), предстает как *чистая единица*; я также замечаю (werde ich... gewahr) в нем свойство, которое *всеобщее*, а благодаря этому выходит за пределы единичности. Первое бытие предметной сущности как некоторой единицы не было, следовательно, его истинным бытием; так как *предмет* есть истинное, то неистинность относится ко мне, а постижение было неправильным. В силу *всеобщности* свойства я должен предметную сущность принимать скорее как некоторую *общность* (Gemeinschaft) вообще. Я воспринимаю, дальше, свойство как *определенное, противоположное* другому и исключающее его. Следовательно, на деле я неправильно постигал предметную сущность, когда я определял ее как некоторую *общность* с другими или как непрерывность, и я должен, напротив, в силу *определенности* свойства разделить непрерывность и установить сущность как исключающее “одно”. В обособленном “одном” я нахожу так много таких свойств, которые не воздействуют друг на друга, а равнодушны друг к другу; следовательно, я неправильно воспринимал предмет, когда я постигал его как нечто *исключающее*; как прежде он был только непрерывностью вообще, так теперь он – *всеобщая совокупная* (gemeinschaftliches) *среда*, в которой из множества свойств как чувственных *всеобщностей* каждое есть для себя и, будучи *определенным*, исключает другие. Но простое и истинное, которое я воспринимаю, не есть поэтому и всеобщая (allgemeines) среда, а есть *единичное свойство* для себя, которое, однако, в таком виде не есть ни свойство, ни определенное бытие; ибо оно теперь не находится ни в “одном”, ни в соотношении с другими. Но свойство оно есть только в “одном”, и определено оно только в соотношении с другими. В качестве этого чистого соотнесения себя с самим собою оно остается только *чувственным бытием* вообще, так как у него нет более характера негативности; и сознание, для которого теперь есть чувственное бытие, есть только *мнение*, т.е. оно целиком покинуло область воспринимания и ушло обратно в себя. Однако чувственное бытие и мнение само переходит в воспринимание; я отброшен назад к началу, и меня опять захватывает движение по тому же кругу, которое снимает себя и в каждом моменте и как целое.

Итак, сознание необходимо проходит опять по этому кругу, но вместе с тем проходит иначе, чем в первый раз. А именно, оно на опыте узнало относительно процесса восприятия, что результат и истинное в

нем есть его растворение или рефлексия из истинного в себя самого. Тем самым определилось для сознания, каково по существу его восприятие, а именно, оно есть простое чистое постижение, а *в своем постижении* сознание вместе с тем *рефлектируется в себя* из истинного. Это возвращение сознания в самого себя, непосредственно *вмешивающееся* в чистое постижение, – ибо оно оказалось существенным для процесса восприятия, – изменяет истинное. Сознание в то же время признает эту сторону как свою и принимает ее на себя, благодаря чему, следовательно, оно получит истинный предмет чистым. – Таким образом, теперь, как это было в чувственной достоверности, в процессе восприятия имеется сторона, показывающая, что сознание отесняется обратно в себя, но прежде всего не в том смысле, в каком это было при чувственной достоверности, [т.е.] как если бы *истина* воспринимания относилась к сознанию, а напротив – оно признает, что *неистинность*, которая при этом получается, относится к нему. Но благодаря этому признанию оно в то же время способно снять эту неистинность; оно различает свое постижение истинного от неистинности своего воспринимания, исправляет неистинность, и поскольку оно само предпринимает (*vernimmt*) это исправление, истина как истина (*Wahrheit*) воспринимания (*Wahrnehmen*), без сомнения, относится *к сознанию*. Поведение сознания, которое мы должны теперь рассмотреть, следовательно, таково, что оно уже не просто воспринимает, а сознает также свою рефлексю в себя и отделяет ее от самого простого постижения.

Итак, прежде всего я замечаю (*ich werde gewahr*) вещь как “одно” и должен удержать ее в этом истинном (*wahren*) определении; если в движении воспринимания встречается что-нибудь противоречащее этому, то это следует признать моей рефлексией. В восприятии обнаруживаются также разнообразные свойства, которые кажутся свойствами вещи; однако вещь есть “одно”, и относительно этого разнообразия, благодаря которому она перестает быть “одним”, мы сознаем, что оно исходит от нас. Следовательно, на деле эта вещь – белая только в *наших* глазах, а *также* острая – на *наш* вкус, а *также* кубическая – на *наше* осязание и т.д. Все разнообразие этих сторон мы берем не из вещи, а из себя; они, таким образом, распадаются для нас соответственно нашему глазу, совершенно отличному от языка, и т.д. Мы тем самым представляем собой *всеобщую среду*, в которой такие моменты обособляются и суть для себя. Благодаря тому, следовательно, что определенность – быть всеобщей средой – мы рассматриваем как нашу рефлексю, мы сохраняем равенство вещи с самой собой и ее истину, состоящие в том, что вещь есть “одно”.

Но эти *разнообразные стороны*, которые сознание принимает на себя, *определенны* – каждая для себя рассматривается так, как она находится во всеобщей среде; белое есть только в противоположении черному и т.д., и вещь есть “одно” именно в силу того, что она противопоставляет себя другим [вещам]. Но она исключает из себя другие не постольку, поскольку она есть “одно”, – ибо быть “одним” означает все-

общее соотнесение себя с собою, и благодаря тому, что она есть “одно”, она, напротив, равна всем, – а исключает их в силу *определенности*. Следовательно, вещи сами суть *в себе и для себя определенные* вещи; они обладают свойствами, которыми они отличаются от других вещей. Так как *свойство* есть *собственное* свойство вещи или определенность, присущая ей самой, то она обладает *не одним* свойством. Ибо, во-первых, вещь есть истинная вещь, она есть *в себе самой*; а то, что в ней есть, есть в ней в качестве ее собственной сущности, а не в силу других вещей; следовательно, определенные свойства суть, во-вторых, не только в силу других вещей и для других вещей, а суть в ней самой; но они определенные свойства в *ней* только благодаря тому, что их несколько и они друг от друга отличаются; и в-третьих, так как они суть, таким образом, в вещьности, то они суть в себе и для себя и равнодушны друг к другу. Следовательно, поистине сама вещь – белая, а *также* кубическая, а *также* острая и т.д., или: вещь есть “*также*” (das Auch), или *всеобщая среда*, в которой множество свойств существует одно вне другого, не касаясь и не снимая друг друга; и вещь, принимаемая таким образом, принимается как истинное (als das Wahre genommen)*.

При этом процессе восприятия сознание вместе с тем сознает, что оно *также* рефлектируется в себя само и что в процессе восприятия выступает момент, противоположный этому “*также*”. Но этот момент есть *единство* вещи с самой собою, которое исключает из себя различие. Оно есть поэтому то единство, которое сознание должно принять на себя; ибо сама вещь есть устойчивое существование *многих разных и независимых свойств*. Таким образом, о вещи говорится, что *она есть белая, а также кубическая, а также острая* и т.д. Но *поскольку* она – белая, она – не кубическая, а *поскольку* она – кубическая, а также белая, она – не острая, и т.д. Сведёние этих свойств в “одно” принадлежит только сознанию, которое поэтому не должно допускать, чтобы они совпадали в “одно” в вещи. С этой целью оно привносит [это] “*поскольку*”, с помощью которого оно удерживает их одно вне другого, а вещь сохраняет как “*также*”. *Бытие “одним”* принимается сознанием на себя лишь в том строгом и собственном смысле, что то, что называлось свойством, представляется в качестве *свободной материи*. Вещь, таким образом, возведена в подлинное “*также*”, так как она становится собранием материй и вместо того, чтобы быть “одним”, превращается в некоторую лишь охватывающую поверхность.

Если мы оглянемся на то, что сознание прежде принимало на себя и что принимает теперь, и что оно прежде приписывало вещи и что приписывает теперь, то оказывается, что оно попеременно делает как себя само, так и вещь, и тем и другим: чистым “*одним*”, лишенным множественности, и некоторым “*также*”, разложенным на самостоятельные материи. Сознание, следовательно, посредством этого сравнения находит, что не только *его* воспринимание как принятие истинного (sein

* Игра слов: wahrgenommen – воспринимается. – *Примеч. пер.*

Nehmen des Wahren) содержит в себе *разнообразие постигания и ухода обратно в себя*, но что больше того, само истинное, вещь, обнаруживается этим двойным способом. Таким образом, налицо опыт, говорящий о том, что вещь *проявляет себя для постигающего сознания* определенным способом, но что *в то же время* из того способа, каким она предстает сознанию, она *рефлектируется в себя*, или: в самой себе она заключает некоторую противоположную истину.

[3. Движение к безусловной всеобщности и царству рассудка.] – Итак, и из этого второго образа действия в восприятии, – т.е. принимать вещь как истинное с самим собой равное, а себя – за неравное, за то, что уходит из равенства в себя, – сознание само уходит, и предмет есть для него теперь это движение в целом, прежде распределявшееся между предметом и сознанием. Вещь есть *“одно”*, рефлектированное в себя, она есть *для себя*; но она есть также *для чего-то другого*; и притом она есть *иное* для себя, *когда* она – для другой вещи. Поэтому вещь есть для себя и *также* для чего-то другого – *двойное* разное бытие. Но она есть *также* *“одно”*; но бытие *“одним”* противоречит этому ее разнообразию; поэтому сознанию следовало бы опять принять на себя это сведение в *“одно”* и держать его отдельно от вещи. Оно, следовательно, должно было бы сказать, что вещь, *поскольку* она есть для себя, не есть для другого. Но самой вещи также свойственно бытие *“одним”*, как узнало сознание на опыте; вещь по существу рефлектирована в себя. Следовательно, *“также”*, или равнодушное различие, относится, конечно, в такой же мере к вещи, как и бытие *“одним”*; но так как оба различны, то – не к одной и той же вещи, а к *разным* вещам: противоречие, которое вообще имеется в предметной сущности, распределяется между двумя предметами. Следовательно, вещь есть, конечно, в себе и для себя, она равна себе самой, но это единство с самой собою нарушается другими вещами; таким образом сохраняется единство вещи и в то же время сохраняется инобытие вне ее, равно как и вне сознания.

Хотя теперь противоречие предметной сущности распределено между разными вещами, все же поэтому в самой обособленной единичной вещи появляется различие. – *Разные вещи* установлены, следовательно, *для себя*; и столкновение оказывается в них столь взаимным, что каждая различается не от себя самой, а только от другой. Но тем самым каждая сама определена как *нечто различенное*, и имеет в себе существенное различие от других [вещей]; но вместе с тем не в том смысле, будто это есть противоположение в ней самой, а она для себя есть *простая определенность*, которая составляет ее *существенный*, отличающий ее от других [вещей] характер. Правда, так как в ней имеется разнообразие, оно на деле необходимо в ней как *действительное* различие многообразных свойств. Однако, так как определенность составляет *сущность* вещи, благодаря чему она отличается от других [вещей] и есть для себя, то эти прочие многообразные свойства суть *несущественное*. Таким образом, у вещи в ее единстве имеется, правда *двойное* *“по-*

скольку”, но *неравной ценности*. Благодаря этому эта противоположность не превращается в действительное противоположение самой вещи, а поскольку вещь благодаря своему *абсолютному различию* приходит к противоположению, последнее имеется у нее по отношению к некоторой другой вещи вне ее. Хотя прочее многообразие также необходимо содержится в вещи, так что оно не может в ней отсутствовать, но оно для нее *несущественно*.

Эта определенность, которая составляет существенный характер вещи и отличает ее от всех других [вещей], теперь определена в том смысле, что вещь благодаря этому противоположна другим [вещам], но в этой противоположности должна сохраняться для себя. Однако вещь, или для себя суще “одно”, лишь постольку такова, поскольку она не соотносится с другими [вещами] как противоположная им; ибо в этом соотношении, напротив, установлена связь с другой [вещью], а связь с другой [вещью] есть прекращение для-себя-бытия. Именно благодаря *абсолютному характеру* и своему противоположению она *находится в отношении к другим* [вещам] и по существу есть только это нахождение в отношении; но отношение есть негация ее самостоятельности, и вещь, напротив, погибает из-за своего существенного свойства.

Необходимость для сознания опыта, говорящего, что вещь погибает именно из-за определенности, которая составляет ее сущность и ее для-себя-бытие, можно вкратце, согласно простому понятию, рассматривать следующим образом. Вещь установлена как *для-себя-бытие* или как абсолютная негация всякого инобытия, значит, как абсолютная, только к себе относящаяся негация; но относящаяся к себе негация есть снятие *себя самой*, т.е. вещь имеет свою сущность в некотором ином.

Фактически определение предмета, каким он оказался, ничего другого и не содержит; он должен обладать некоторым существенным свойством, составляющим его простое для-себя-бытие, но при этой простоте в нем самом должно быть также разнообразие, которое хотя и *необходимо*, но не должно составлять *существенную* определенность. Но это есть различие, которое заключается еще только в словах; *несущественное*, которое, однако, должно быть в то же время *необходимым*, само себя снимает, или: оно есть то, что только что было названо негацией самого себя.

Тем самым отпадает последнее “*поскольку*”, отделявшее для-себя-бытие от бытия для другого; предмет (Gegenstand) в *одном и том же аспекте* есть скорее *противоположное* (Gegenteil) себе самому: он есть для себя, поскольку он есть для другого, и есть для другого, поскольку он есть для себя. Он есть для себя, рефлексирован в себя, есть “одно”; но это бытие для себя, рефлексированность в себя, бытие “одним” установлено в некотором единстве с противоположным ему – с *бытием для чего-то иного*, и потому установлено только как снятое; или: это для-себя-бытие столь же *несущественно*, как и то, что единственно должно было быть несущественным, т.е. отношение к другому.

Предмет благодаря этому в своих чистых определенностях или в определенностях, которые должны были составлять его существование, снят точно так же, как он в своем чувственном бытии превратился в нечто снятое. Из чувственного бытия он становится чем-то всеобщим; но это всеобщее, так как оно *проистекает из чувственного*, по существу *обусловлено* последним и потому вообще не есть подлинно себе самой равная всеобщность, а такая, которая испытывает *воздействие некоторой противоположности* и которая поэтому разделяется на крайности: на единичность и всеобщность, на “одно” свойств и на “также” свободных материй. Эти чистые определенности выражают, по-видимому, самое *существование*, но они суть только *для-себя-бытие*, которое обременено *бытием для чего-то иного*; но так как то и другое находятся по существу в *некотором единстве*, то теперь имеется лицо безусловная абсолютная всеобщность, и сознание здесь впервые действительно вступает в царство рассудка.

Итак, чувственная единичность, правда, исчезает в диалектическом движении непосредственной достоверности и становится всеобщностью, но только *чувственной всеобщностью*. Мнение исчезло, и восприятие берет предмет таким, каков он в себе или в качестве всеобщего вообще; единичность поэтому выступает в нем как истинная единичность, как *в-себе-бытие “одного”* или как *рефлектированность в само себя*. Но это есть еще некоторое *обусловленное для-себя-бытие, рядом с которым* встречается некоторое другое для-себя-бытие – всеобщность, противоположная единичности и ею обусловленная; но обе эти противоречащие крайности находятся не только *рядом друг с другом*, но и в одном единстве; или, другими словами, то, что общее и той и другой, [т.е.] *для-себя-бытие*, вообще обременено противоположностью, а это значит, что оно в то же время и не есть *для-себя-бытие*. Софистика воспринимания пытается спасти эти моменты от их противоречия и удержать их путем различения *аспектов*, с помощью “также” и “поскольку”, точно так же, как она пытается, наконец, овладеть истинным, различая *несущественное* и некоторую ему противоположную *сущность*. Однако все эти уловки, вместо того чтобы не допустить иллюзии в процессе постижения, скорее сами оказываются ничтожными, и истинное, которое должно быть обретено благодаря этой логике воспринимания, оказывается противоположностью в одном и том же аспекте, и тем самым имеет своей сущностью всеобщность, лишенную различения и определения.

Эти пустые абстракции *единичности* и противоположной ей *всеобщности*, точно так же как [абстракции] *сущности*, связанной с несущественным, [абстракция] *чего-то несущественного*, которое, однако, в то же время необходимо, суть силы, игра которых есть воспринимающий рассудок, часто называемый здоровым человеческим смыслом; он, который считает себя подлинным реальным сознанием, является в процессе восприятия только игрой *этих абстракций*; вообще он всегда беднее всего там, где он мнит быть богаче всего. Вовлеченный в круг

этих ничтожных сущностей, он бросается в объятия от одной к другой и, сопротивляясь истине тем, что он старается отстаивать и утверждать с помощью своей софистики попеременно то одно, то прямо противоположное, он мнит о философии, будто она имеет дело только с *мысленными вещами*. Она и действительно имеет с ними дело и признает их за чистые сущности, за абсолютные стихии и силы; но тем самым она вместе с тем познает их *в их определенности* и потому владеет ими, тогда как упомянутый воспринимающий рассудок (*der wahrnehmende Verstand*) принимает их за истинное (*für das Wahre nimmt*) и от одного заблуждения отсылается ими к другому. Сам он не доходит до сознания, что в нем распоряжаются такие простые сущности, а он мнит, будто всегда имеет дело с совершенно добротным материалом и содержанием, точно так же, как чувственная достоверность не знает, что пустая абстракция чистого бытия есть ее сущность; но на деле именно придерживаясь этих сущностей, рассудок проходит сквозь весь материал и все содержание; они – его опора и власть и только они составляют то, что чувственное *как сущность* есть для сознания, то, что определяет его отношения к нему и в чем протекает движение воспринимания и его истины. Этот процесс, [т.е.] постоянно сменяющееся определение истинного и снятие этого определения, составляет, собственно говоря, повседневную и постоянную жизнь и деятельность сознания, воспринимающего и мнящего, что оно движется в истине. В этом процессе оно неудержимо движется к результату, состоящему в одинаковом снятии всех этих существенных сущностей или определений, но в каждый отдельный момент оно сознает в качестве истинного только данную *одну определенность*, а затем – снова противоположную. Оно все же догадывается об их несущественности; чтобы спасти их от угрожающей опасности, он обращается к софистике и теперь утверждает как истинное то, что оно само только что утверждало как неистинное. Тому, к чему природа этих неистинных сущностей, собственно говоря, хочет побудить этот рассудок: мысли об упомянутой *всеобщности* и *единичности*, о “*также*” и “*одном*”, об упомянутой *существенности*, которая *необходимо* связана с некоторой *несущественностью*, и о чем-то *несущественном*, которое все же необходимо, – *связать* и тем самым снять такие *мысли* об этих не-сущностях – этому он противится, опираясь на “*поскольку*” и разные “*аспекты*” или принимая одну мысль на себя, чтобы сохранить другую отдельно и как истинную мысль. Но природа этих абстракций связывает их в себе и для себя; здравый смысл – добыча этих абстракций, которые вовлекают его в свой круговорот. Желая сообщить им истину тем, что он либо принимает их неистинность на себя, либо же называет также и иллюзию видимостью недостоверных вещей и отделяет существенное от чего-то необходимого для них, но долженствующего быть несущественным, и отстаивает первое как их истину против второго, – всем этим он им не сохраняет их истины, а себе сообщает неистинность.